

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 20-го Мая 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10774.

НА ПЛАТФОРМѢ.

1.

Шумитъ боръ. Чуко, настороженно молчитъ одинокая затерянная платформа, окруженная материами кряжистыми соснами. Тускло поблескиваютъ смоченные недавнимъ дождемъ рельсы, убѣгаютъ вправо и влево и теряются въ наползающихъ осеннихъ сумеркахъ. Девять—десятий часъ,—время пробѣга послѣдняго дачнаго поѣзда.

Сонный сторожъ въ желѣзномъ казакинѣ медленно спотыкается по платформѣ; увидѣвъ начальника, снимаетъ шапку и выжидающе останавливается. Оба стоять и смотрѣть въ ту сторону, откуда долженъ показаться ожидаемый поѣздъ. Горитъ фонарь, а дальше плотно скучивается темнота и зорко сторожитъ два неподвижныхъ силуэта людей. Смутно-тревожно шепчутся старыя сосны, и вѣковая тайна бора чудится въ ихъ шопотѣ.

Понемногу гдѣ то вдалекѣ выростаетъ смутный длительный гулъ, стелется къ землѣ и отдается въ слегка вздрогивающихъ рельсахъ. Вдали, разрывая темноту, зажигается тройной пламенѣющій глазъ, будто ощупываетъ дорогу, и съ быстротой близится къ станціи. Еще мигъ,—и громадное желѣзное чудовище, дыша искрами и дымомъ, громыхая стяжками и колесами, съ оглушительнымъ грохотомъ замедляетъ ходъ; и медленно-плывущая полуосвѣщенная изнутри стѣнка вагоновъ заслоняетъ темные горизонты. Кое гдѣ мелькаетъ въ блѣдныхъ слѣпыхъ окнахъ смутный абрисъ человѣческаго лица... Минута-двѣ,—и цѣлый адъ лязгающихъ кричащихъ звуковъ нарушаетъ окружающее безмолвіе; и желѣзная громыхающая громадина, точно со слѣпу, бросается прямо въ пасть черной притаившейся ночи. Разъ-два сверкнетъ между деревьями прощальной

День „Колоса ржи“ въ Харьковѣ 15 мая

Снимокъ фот. „Южнаго Края“.

Датская королевская семья: новый король Христіанъ X, королева Александра, кронпринцъ Христіанъ-Фридрихъ и его братъ
Принцъ Кнутъ-Христіанъ.

лаской огонекъ послѣдняго вагона; и все за-тихнетъ. Опять бѣгутъ молча и сосредоточен-но параллели рельсь, и только тихій жалоб-ный стонъ чуть слышно отдаетъся въ нихъ...

Проводивъ поѣздъ, начальникъ еще не-много стоитъ со сторожемъ. Не говорятъ они, но каждый дума-етъ свою глубокую лѣсную думу. Потомъ уходятъ спать. Домъ начальника, импрови-зированный изъ старого вагона, стоитъ за плат-формой, въ са-момъ бору. Лѣтомъ вблизи живутъ немно-гие дачники, и тогда веселѣе: толкуются воль-ные ямщики,

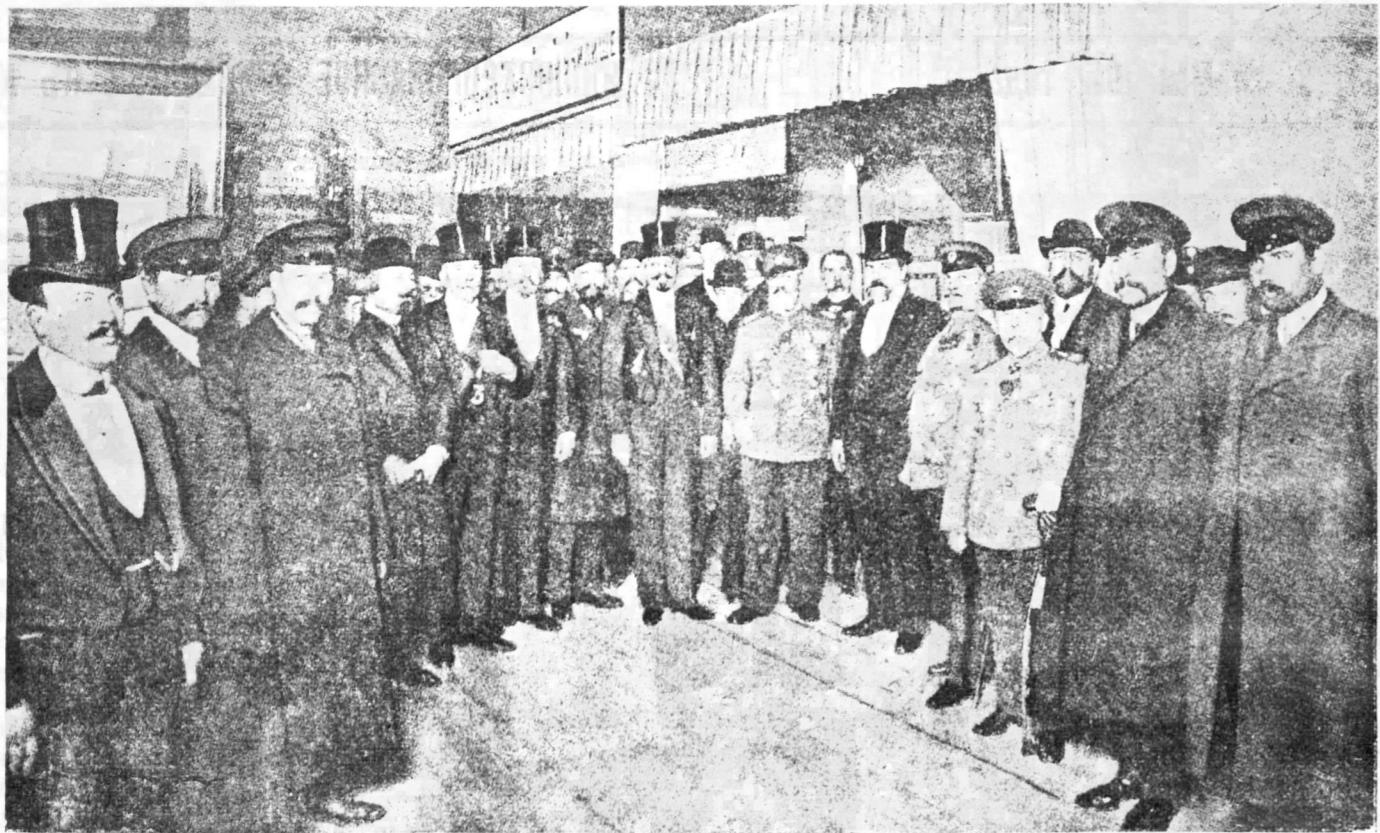
крикливо переговариваются тор-говки, слышенъ смѣхъ бѣгаю-щихъ между стволами сосенъ дѣтей. Но осенью и зимой жизнь замираетъ, воцаряется мертвая, нетревожимая тишина, и только долго по ночамъ свѣтится оди-нокое окно начальника.

2

Тѣсное походное помѣщеніе вагона скучно озарено оплы-шимъ стеариновымъ огаркомъ, и въ этомъ мерцаніи молча склоняется надъ столомъ кудрявая прежде временно-посѣ-дѣвшая голова начальника. Пьетъ онъ; медленно позвя-киваетъ въ рукахъ рюмка, и тайно, неослабно стоитъ въ ти-шинѣ вагона глубокая лѣсная дума. Одинокіе, забытые зна-ютъ очарованіе этой думы, ког-да подъ вліяніемъ алкоголя вспоминаются прошлые свѣтлые дни,—а у кого ихъ не было?—когда грязное узкое купѣ ваго-на кажется свѣтлой уютной квартирою, и со стѣны, изъ рамокъ портрета, сходитъ краси-вая блокурая женщина; любовно ласкаешь мягкие шелкови-стые волосы, пожимаешь тонкія похрустывающія руки, а кру-гомъ обходить боръ и чутко прислушиваешься къ красивой за-думчивой сказкѣ...

И забываетъ несчастный оди-нокій человѣкъ, что кругомъ пустыня вѣкового бора, что са-

Торжественное открытие международной учебно-промышленной выставки въ Петербургѣ.

1) Товарищ министра народного просвещения В. Т. Шевяковъ; 2) бывшій министр народного просвещения ген. В. Г. Глазовъ; 3) предсѣдатель Императорского русского техническаго Общества В. И. Ковалевскій; 4) начальникъ главнаго управления военно-учебныхъ заведеній ген. А. Ф. Забѣлинъ; 5) начальникъ Балтійскаго судостроительного завода ген. П. Ф. Вешкуровъ.

мый близкій ему человѣкъ —сторожъ, такой же одинокій алкоголикъ и полу-сумасшедший, какъ и онъ самъ; слышитъ человѣкъ знакомые звуки ласковаго женскаго голоса, видитъ ее, свою ненаглядную Лизу, такой же, какъ въ послѣдній день передъ отѣздомъ... Стоитъ у перрона готовый къ отходу поѣзда; ей бѣлокурыя небрежно заколотыя косы еще сохраняютъ настроеніе печали передъ разлукой, но большіе синіе, влажные отъ недавнихъ слезъ глаза уже улыбаются и, широко-раскрытые отъ любопытства, смотрятъ на новый міръ, открывающійся передъ нею тамъ, за гранью горизонта, куда сейчасъ умчить ее грохочущій поѣздъ.

— Пиши,—улыбается она.—Не забывай, смотри... Киваетъ головкой и съ послѣднимъ звонкомъ входитъ въ вагонъ. Звонокъ... Свистокъ... и на опустѣвшемъ перронѣ стоитъ одинокій оставленный человѣкъ. Невольно вспоминаются чьи то стихи:

„Свистокъ паровоза... Тревожные стуки колесъ... Пустѣтъ, мертвѣтъ вокзалъ... А въ сердцѣ — мелодія сдержаныхъ слезъ...“

Онъ тогда уже смутно сознавалъ, что видитъ ее въ послѣдній разъ, что она больше не вернется; и этотъ потухшій вокзалъ съ едва мерцающими вдоль линіи огоньками глубоко врѣзлся въ память...

Военный министръ генераль-отъ-кавалеріи В. А. Сухомлиновъ и его супруга (по первому мужу—Бутовичъ).

Первые два письма пришли одно за другимъ. Описанія новыхъ впечатлѣній и переживаній, планы, надежды... Умистые листики почтовой бумаги, сплошь заполненные мелкимъ

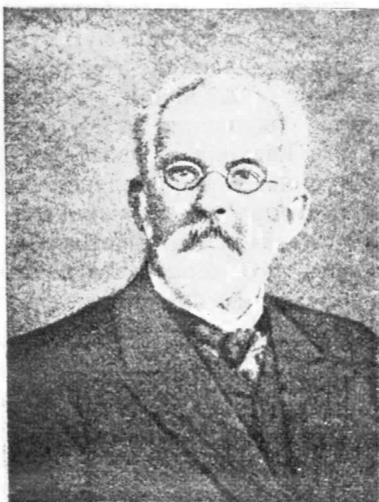
торопливымъ почеркомъ. И порой пробивались искреннія нотки печали и сожалѣнія о немъ, одинокомъ, оставленномъ человѣкѣ.

Третье письмо пришло послѣдніе, передъ разлукой. Она уже устроилась въ Петербургѣ, поступила въ консерваторію; непривычныя слова: фуги, контрапункты, невольно тревожили сознаніе. Будущіе планы и предположенія перемежались длинными разсужденіями о technically и постановкѣ голоса, описаніями занятій... и жалобами на чрезмѣрную утомительную работу.

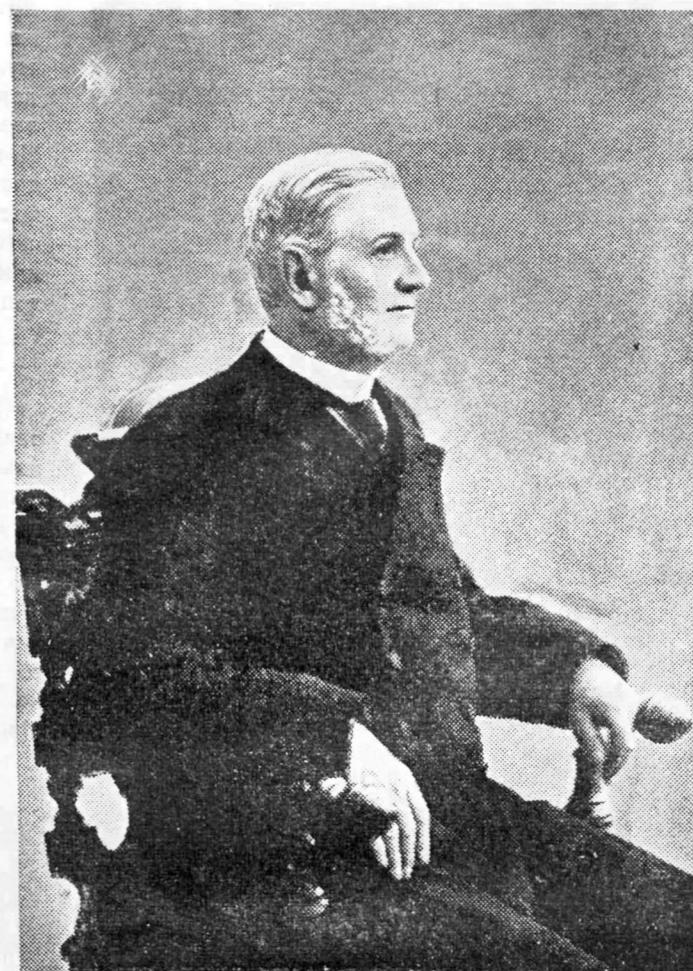
Припомнились послѣдніе дни передъ разлукой. Она ходила нетерпѣливо по комнатѣ и торопливо говорила, какъ будто успокаивая и оправдывая самое себя:

— Всѣ находятъ, что у меня есть голосъ, и сама я сознаю. Зачѣмъ же я буду зарывать свой талантъ въ землю? Поѣду, буду учиться и, наконецъ, извѣстной артисткой возвращусь къ тебѣ... Ну, милый, развѣ тебя не радуютъ такія перспективы?... Впрочемъ... если хочешь, я останусь... Такъ и быть, промѣняю всѣ свои надежды на теперешнее полулишенское существованіе... А потомъ пойду дѣти, лишніе расходы... Ну, милый, не упрямься!..

Что онъ могъ дать ей взамѣнъ ея надеждъ, ея радужныхъ перспективъ? Развѣ онъ могъ удержать здѣсь ее, такую красивую, чуткую, талантливую? И она уѣхала.

† М. И. Петрункевичъ,
основатель партіи к.-д., членъ 1-й
Госуд. Думы.

Членъ статистического совѣта

В. А. Еревиновъ

(Къ 60-лѣтію служебной дѣятельности).

Кн. Н. С. Долгоруковъ,
бывш. чрезвыч. полномочн. посолъ
въ Италии.
(По случаю назначенія членомъ
Государ. Сов.).

† Академикъ С. В. Шидловскій,
профессоръ военно-медицинской академіи.

выходилъ изъ будки сторожъ, куриль и, поглядывая на одинокое освѣщенное окно вагона, пророчески бормоталъ:

— Ждешь?.. Ну, жди, жди... Теперь уже скоро...

И въ одну угрюмую зимнюю ночь, когда по бору шагалъ двадцатиградусный морозъ и потрескивалъ стволами сосенъ и елей,—совершилось чудо. Издали, по вѣтру, чуть слышно донеслись колокольчики. Начальникъ приподнялъ голову и прислушался; ему показалось, что онъ начинаетъ галлюцинировать. Минуту стояло мертвое молчаніе. Потомъ вѣтеръ припалъ, и уже ближе зазвенѣли колокольчики...

Безумная мысль ударила въ голову. Онъ вскочилъ на дрожавшія слабыя ноги и открылъ дверь вагона. Вѣтеръ рванулъ навстрѣчу и мелкой морозной пылью ударила по спутаннымъ волосамъ.

Звенягъ... Ближе... Тонкій мелодичный весенний звонъ рѣзво и шаловливо бѣтъ въ бору...

Генераль-адъютантъ
И. А. Фроловъ
(Къ 50-лѣтію службы въ офицерскихъ чинахъ).

Уѣзжали рабочие, и опять затихалъ боръ. И ничего уже не было слышно. Только по вечерамъ, пошатываясь,

Уже затихли пѣсни вѣтра, посвѣтлѣлъ свинцовый сводъ неба, и бѣлые хлопья снѣга покрывали землю. Порою боръ слышалъ хриплые голоса и смычки чужихъ людей. Это прїѣзжали линейные рабочіе расчищать путь отъ заносовъ. Въ эти дни начальникъ покидалъ свой вагонъ и уходилъ въ глушь бора. Видѣлъ людей и звонъ ихъ голосовъ не могъ онъ переносить. У него гипертрофически прогрессировала страсть къ уединенію.

Уѣзжали рабочіе, и опять затихалъ боръ. И ничего уже не было слышно. Только по вечерамъ, пошатываясь,

— Лиза! Пріѣхала!.. хріпло крикнуль начальникъ и въ разстегнутой тужуркѣ, съ непокрытой головой, по колѣни увязая въ снѣгу, бросился на дорогу. Луна опустила блѣдный, тонкій, какъ паутинная нить, лучъ и слабо озарила прогалину. Вдали, подъ свѣтомъ мѣсяца, мелькнула тройка. Она скачетъ мимо... Заблудилась... Растерянно и беспомощно позвякиваютъ колокольчики..

— Лиза, родная!..—еще разъ крикнулъ начальникъ и побѣжалъ навстрѣчу. Споткнулся о желѣзно-дорожную насыпь и покатился внизъ, въ оврагъ. Кое какъ выкарабкался. Взбѣжалъ на бугоръ. Струйки талаго снѣга пробѣжали за платьемъ по тѣлу.

Луна скрылась. Тихо. Умолкли колокольчики... Начальникъ остановился и нѣсколько разъ беспомощно оглянулся. Кругомъ въ темнотѣ чуть слышно шуршать

Жоржъ Луи,

французскій посолъ въ Петербургѣ
(Къ слухамъ о его отзваніи).

Послѣднія событія во Франціи заставили начальниковъ полицейскихъ управлений всѣхъ странъ изобрѣсти специальныя средства для своихъ агентовъ. Изобрѣтательнѣе всѣхъ оказалось англійской полиції: по распоряженію начальника лондонской полиції, всѣ поліцейские агенты снабжены специальными щитами.

что-то сосны. Онъ поискалъ огнька изъ своего вагона. Напрасно... Повидимому, убѣгая, онъ оставилъ дверь открытой, и порывомъ вѣтра потушило слабый огонь свѣчи.

Морозъ шипнулъ за ухо; хихикнуль и насмѣшило пощекоталь голую шею. Начальникъ запахнулъ тужурку и поднялъ воротникъ; онъ зналъ, что морозъ не шутитъ съ людьми, которые выходятъ изъ дома безъ пальто и шапки. Еще разъ поискалъ огнька...

Гдѣ-то въ сторонѣ звякнуль колокольчикъ...

„Лиза... здѣсь, близко... подумалъ онъ; и вдругъ мелькнула мысль: „она нарочно подразниваетъ меня... Знаетъ, что я ожидаю ее..."

И пошелъ между деревьями на звукъ колокольчика.

А морозъ все шагалъ по бору и потрескивалъ кряжистыми матерыми стволами сосенъ и елей искоро взялъ и унесъ печального человѣка.

Прохожій.

который, наживвшись предварительно на нефти, пожертвовалъ большую сумму, чтобы дать Флоридѣ желѣзную дорогу, доходящую до Міами. Дорога эта на много сокращаетъ путь отъ Нью-Йорка въ Гаванну и позволяетъ доставлять кубинскія произведенія на бостонскій, нью-йоркскій и вініпгтонскій рынки. Когда же откроется Панамскій каналъ, то дорога эта дастъ толчекъ къ развитію Флориды.

Новый искусственный шелкъ.

Павшія животные утилизируются различными видами промышленности: изъ шкуръ выдѣлываютъ кожи, изъ сала смазочные продукты, изъ роговъ и костей клей, а пережженные они даютъ порошокъ, идущій въ краску. Но мясо оставалось неиспользованнымъ. Недавно открытый способъ далъ возможность выдѣлывать изъ него новый видъ искусственного шелка. Способъ обработки очень простъ. Мясо сперва обрабатывается ки-

СМѢСЬ.

Мостъ по океану.

Американцы только что осуществили свою мечту. Они разрѣшили задачу, которая всего пять лѣтъ тому назадъ считалась неосуществимой, — построивъ желѣзную дорогу, болѣе чѣмъ въ 100 километровъ длиной, соединяющую южную часть Флориды съ Ки-Вестомъ ближайшимъ къ Панамѣ портомъ Соединенныхъ Штатовъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы опустить на дно океана на извѣстномъ пространствѣ рядъ устоевъ, высотой въ 7 метровъ, чтобы образовать цѣпь арокъ изъ цемента, окованного металломъ, способныхъ выдержать напоръ волнъ и тяжесть поѣздовъ. На этихъ аркахъ положено полотно желѣзной дороги съ рельсами. Полотно это, чтобы не стѣснять плаванія въ нѣсколькихъ мѣстахъ, подобно разводнымъ мостамъ, раздвигается для пропуска рыбачьихъ судовъ и небольшихъ пароходовъ. Общий видъ этой дороги напоминаетъ римскій акведукъ. Дорогой этой американцы обязаны одному предпринимателю,

слотами, которыя раздѣляютъ его на мельчайшіе фибры. Фибры эти подвергаются дѣйствію танина, который придаетъ имъ прочность и шелковистость. Такіе фибры имѣютъ 5 сантиметровъ длины и похожи на шелкъ изъ коконовъ шелковичной бабочки бомбиксъ. Затѣмъ фибры эти на два часа кладутъ въ каучуковую ванну, гдѣ подвергаются давленію четырехъ атмосферъ, отчего они становятся непроницаемыми для воздуха и воды. Въ такомъ видѣ они могутъ идти на изоляторы, на пневматическія шины, на оболочки воздушныхъ шаровъ, причемъ такія оболочки обходятся гораздо дешевле настоящихъ шелковыхъ. Долго такимъ образомъ обработанные фибры не поддавались пряжѣ, но теперь это препятствіе, повидимому, устранено.

